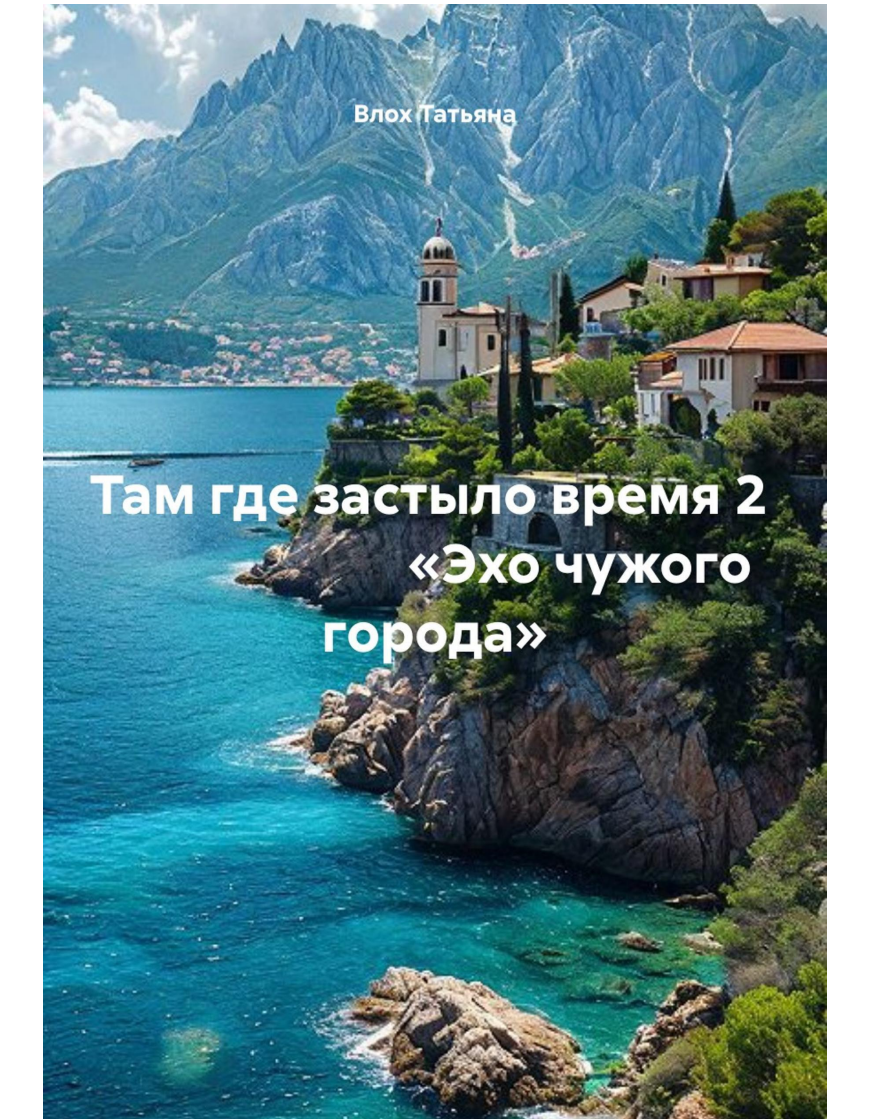

Влох Татьяна

Там где застыло время 2 «Эхо чужого города»

Влох Татьяна
Там где застыло время
2 «Эхо чужого города»

<https://litres.ru/74370992>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая часть романа «Там, где застыло время»

Они нашли свой идеальный рай там, где горы подпирают небо, а бирюзовое море лениво шепчет древние легенды. Лика навсегда оставила суету мегаполиса, найдя защиту, покой и настоящую любовь в объятиях Айраса. Кажется, их личная легенда о застывшем времени наконец-то сбылась.

Но у застывшего рая всегда есть своя цена. И прошлое не умеет отпускать просто так.

В самый разгар нового жаркого сезона на набережной Приморска появляется тот, кого Лика меньше всего ожидала увидеть. Максим— человек из её прошлой жизни в мегаполисе. Тот, с кем её связывали годы общих воспоминаний, друзей и планов перед тем, как она решилась на свой отчаянный побег в Абхазию. Он приехал не отдыхать. Он приехал вернуть её обратно, в красивую, правильную и предсказуемую столичную жизнь.

Теперь Айрасу предстоит столкнуться с самым опасным штормом в своей жизни

Что победит: проверенная годами стабильность чужого города или дикая, звенящая свобода Апсны?

Содержание

Эхо чужого города	5
Оглавление:	6
Часть 2 «Эхо чужого города» - продолжение	6
части 1 «Там, где застыло время»	
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Влох Татьяна

**Там где застыло время
2 «Эхо чужого города»**

Эхо чужого города

Оглавление:

Часть 2 «Эхо чужого города» - продолжение части 1 «Там, где застыло время»

Глава 1: Незванный гость из мегаполиса.

Глава 2: Застолье на пороге шторма.

Глава 3: Шторм внутри нас.

Глава 4: Проверка водой.

Глава 5: Гнев Апсны.

Глава 6: Билет в один конец.

Глава 7: Мандариновое благословение Апсны.

Глава 8: Ключи от Страны души.

Глава 9: Новые хозяева мандаринового рая.

Глава 10: Первый заезд.

Глава 11: Свет в темноте.

Глава 12: Огни новой жизни.

Глава 13: Тест на счастье.

Глава 14: Великая стройка «Оазиса».

Глава 15: Рождение «Оазиса» и новая жизнь.

Послесловие автора!

Глава 1: Незванный гость из мегаполиса.

Новый туристический сезон в Приморске начался так стремительно, что Лика едва успевала отсчитывать дни. Июнь ворвался на побережье оглушительным стрекотом цикад, ароматом цветущей магнолии и бесконечным потоком отдыхающих.

Лика стояла на летней кухне во дворе бабы Тони, нарезая спелые, пахнущие солнцем томаты для салата. Её **длинные рыжие волосы** были собраны в небрежный высокий пучок, из которого то и дело выбивались непослушные пряди, а на шее, аккуратно задевая ключицу, покачивался бирюзовый кулон. Её **большие зеленые глаза** лучились спокойным, глубоким счастьем — тем самым, которое она обрела здесь, на побережье Апсны, навсегда позабыв про удушьяющую городскую суету.

Из сада доносился мерный шум шланга: баба Тоня поливала кусты гортензий, тихонько напевая себе под нос старинную абхазскую песню. Всё шло своим чередом. Айрас ушел в море еще на рассвете, пообещав вернуться к обеду, и Лика уже предвкушала, как они вместе запрыгнут в его открытый УАЗик цвета хаки и рванут на дикий пляж.

Внезапно со стороны улицы раздался глухой, неуверенный стук в массивные кованые ворота.

Баба Тоня выключила воду. Лика отложила нож, вытерла руки о полотенце и легкой, пружинящей походкой вышла на

гравийную дорожку сада.

— Иду-иду! — звонко крикнула она, толкая тяжелую створку ворот. — Вы по поводу жилья? У нас как раз освободилась...

Слова застряли у неё в горле. Голос оборвался на полуслове, а пальцы, сжимавшие кованый металл, мгновенно заledenели.

На пороге оазиса бабы Тони, посреди знойного абхазского полдня, стоял человек, который никак не вписывался в этот мир пальм, моря и гор.

Это был **Максим**.

Он выглядел так, словно только что сошел с платформы столичного вокзала: идеально отглаженная брендовая футболка, дорогие часы на запястье, стильные кожаные кеды, на которых еще не было ни пылинки местной каменистой земли, и аккуратная городская стрижка. В руке он держал ручку дорогого чемодана. Максим смотрел на Лику — загорелую, растрепанную, в простых шортах и майке, но такую невероятно живую и красивую, какой он её никогда не видел в мегаполисе.

— Привет, Лика, — негромко сказал он, и этот голос, пахнувший кофейнями, метро и прошлыми долгими разговорами, мгновенно пробил брешь в её застывшем раю. На его лице появилась мягкая, виноватая и одновременно уверенная улыбка. — Ну привет. Я еле нашел этот поселок. Ты ведь не думала, что я отпущу тебя так просто?

Из глубины двора медленно подошла баба Тоня. Её серебряные сережки тихонько звякнули в наступившей звенящей тишине. Бабушка перевела строгий, проницательный взгляд с бледного лица внучки на незваного столичного гостя, и её ладонь инстинктивно легла Лике на плечо. Эхо чужого города всё-таки настигло их, и прямо над мандариновыми деревьями сада пронеслась первая тень грядущего шторма.

Баба Тоня неторопливо подошла ближе, опираясь на садовые грабли. Она окинула Максима долгим, проницательным взглядом с головы до ног. Её прищур не сулил столичному гостю легкой жизни: она сразу подметила и белоснежные кеды, совершенно неприспособленные к местной гальке, и массивные часы, и общую городскую холеность.

Серебряные сережки бабушки тихонько звякнули, когда она сделала шаг вперед, мягко отодвигая замершую Лику себе за спину.

— И тебе не хворать, молодой человек, — звучно произнесла баба Тоня, и её голос эхом разнесся по мандариновому саду. — Кто ж это к нам пожаловал такой нарядный, прямо с картинки? Лика, отмирай давай, помидоры на кухне сохнут. А ты, гость столичный, чемодан-то на землю поставь, в руках держать не обязательно, у нас тут не вокзал.

Максим слегка растерялся под этим напором, его уверенная улыбка на секунду стала натянутой. Он вежливо кивнул, перехватив ручку багажника.

— Здравствуйте. Я Максим. Бывший... то есть, близкий

друг Лики. Из Москвы. Приехал её навестить.

— Максим, значит, — баба Тоня хмыкнула, подперев подбородок рукой, и в её глазах загорелся тот самый фирменный азарт, которого Лика всегда немного побоивалась. — Друг, говоришь? Да еще и близкий. Что-то я про тебя от Лики за два года ни одного слова не слышала. Ну, проходи во двор, раз приехал за тридевять земель. У нас в Апсны гостей на пороге держать не принято, даже таких... внезапных.

Она усадила Максима за длинный деревянный стол под тенью хурмы и мгновенно, словно фокусник, выставила перед ним кувшин с ледяным компотом и тарелку с сыром. Но гостеприимство бабы Тони всегда шло в комплекте с допросом с пристрастием.

— Рассказывай, Максим из Москвы, — бабушка села напротив, буравя его взглядом. — Кем работаешь в своем мегаполисе? Чем занимаешься, раз посреди лета время нашел по побережьям кататься? Родители кто?

— Я аналитик в крупной консалтинговой компании, — Максим расправил плечи, возвращая привычный уверенный тон. Он привык производить впечатление на собеседников. — У меня плотный график, но ради Лики я взял двухнедельный отпуск. Мои родители — преподаватели в университете.

— Аналитик... — протянула баба Тоня, смакуя незнакомое слово, словно пробовала на вкус неспелую хурму. — Это, значит, бумажки с места на место перекладываешь да в компьютер весь день смотришь? Ну, дело нужное, наверное.

Только у нас тут другие аналитики в почете. Те, которые характер в шторм удержать могут или три тонны мандаринов за день перебрать.

Ли́ка стояла у дверей летней кухни, пряча свои **большие зеленые глаза** и судорожно перебирая пальцами бирюзовый кулон. Её **длинные рыжие волосы** слегка растрепались от волнения. Она видела, как Максим пытается держать лицо перед простой абхазской женщиной, и внутри неё боролись два чувства: неловкость за прошлое и глухая тревога. Ведь она знала — ровно через полчаса на этот самый двор зайдет Айрас. И его расспросы точно не будут такими мирными.

Баба Тоня демонстративно подхватила пустой кувшин и, шурша фартуком, ушла вглубь летней кухни, оставив за собой шлейф аромата специй и звенящую тишину мандаринового сада. Ли́ка осталась стоять у деревянной перекладки веранды, судорожно сжимая в ладони бирюзовый кулон. Рыжие пряди её **длинных волос** вспыхивали золотом под редкими лучами солнца, пробивавшимися сквозь крону хурмы.

Максим медленно поднялся из-за стола. На его руке тускло блеснули дорогие часы, а накрахмаленная футболка выглядела чужеродным белым пятном на фоне буйной абхазской зелени.

— Ты изменилась, Ли́ка, — тихо сказал он, делая шаг к ней по каменистой дорожке. Его кожаные кеды непривычно громко хрустели на гальке. — Загорела. И волосы... стали

еще ярче. Я два года смотрел на твои редкие фотографии в сети и не верил, что ты действительно бросила Москву ради... вот этого всего. Маленький поселок, огород, катера. Это же просто курортный каприз, Лик.

Лика подняла на него свои **большие зеленые глаза**. В них больше не было девичьего страха перед его столичным авторитетом — только спокойная, зрелая глубина.

— Это не каприз, Максим, — её голос прозвучал ровно и твердо. — Это моя жизнь. Настоящая, без вечной гонки, дедлайнов и паники, от которой я задыхалась в городе. Зачем ты приехал? Мы ведь всё решили два года назад перед моим отъездом.

Максим остановился в двух шагах от неё, и Лика уловила тонкий шлейф его дорогого мужского парфюма — этот запах мгновенно напомнил ей о блестящем асфальте столичных проспектов и душных кофейнях.

— Мы ничего не решили, ты просто сбежала, — Максим качнул головой, и в его голосе проступила привычная, чисто городская уверенность. Он попытался взять её за руку, но Лика мягко отступила назад, заложив ладони за спину. Максим нахмурился, заметив бирюзовый камень у неё на шее. — Лик, я ведь приехал не ругаться. Я всё обдумал. У меня сейчас повышение в компании, отличный оклад. Я готов снять для нас квартиру на Патриарших. Давай вернемся? Заберешь документы из своего заочного, восстановишься на дневной. Ты ведь умная девочка, твое место в мегаполисе,

среди нормальных перспектив, а не на этом заброшенном побережье.

Ли́ка горько усмехнулась. Два года назад эти слова про «перспективы» и «правильную жизнь» заставили бы её сомневаться в себе. Но сейчас, глядя на Максима, она видела лишь человека из чужого, искусственного мира бетона и амбиций.

— Нормальных перспектив? — тихо переспросила она, и в её зеленых глазах мелькнула опасная искра. — Максим, ты так ничего и не понял. Я здесь впервые дышать научилась. Я люблю это море, этот сад, эту тишину. И я...

Она не успела договорить. Из-за кованых ворот двора раздался знакомый, тяжелый рокот мощного двигателя. УАЗик цвета хаки резко затормозил у калитки, и звук его мотора мгновенно заглушил стрекот цикад. Ли́ка замерла, её сердце сделало сумасшедший кувырок.

Дверца машины с глухим стуком захлопнулась, и во двор уверенным, размашистым шагом зашел Айрас. На его смуглых плечах поблескивали крупинцы морской соли, а **темные короткие кудряшки** отчаянно растрепались после утреннего шторма. Он замер у порога, переводя потемневший взгляд карих глаз с бледного лица Ли́ки на столичного гостя в белоснежных кедах

Айрас медленно пошел по гравийной дорожке, и каждый его шаг отзывался глухим хрустом камней под тяжелыми ботинками. Он неторопливо стянул с переносицы солнцеза-

щитные очки-авиаторы, и его карие глаза, обычно полные задорного азарта, сейчас потемнели, напоминая грозное море перед штормом.

Он остановился прямо напротив Максима, оценивающе разглядывая его белоснежную футболку, дорогие часы и безупречно чистые городские кеды. Контраст между мужчиной был ошеломительным.

Айрас: Сын гор и побережья. Сильный, загорелый до черноты, пахнувший солью, бензином и ветром. Его **темные кудряшки** пружинили на макушке, а широкие плечи были напряжены под мокрой от брызг майкой.

Максим: Продукт мегаполиса. Холеный, уверенный в своем столичном лоске, пахнувший дорогим одеколоном и кондиционированными офисами.

Мужской разговор лицом к лицу

— Добрый день, — Айрас первым нарушил звенящую тишину, и его низкий, бархатистый голос прозвучал обманчиво спокойно. Он заложил руки в карманы шорт, но взгляд не сводил с гостя. — Что-то я не помню, чтобы мы бронировали места на сегодня. Лика, это кто?

Лика сделала шаг вперед, её **большие зеленые глаза** умоляюще посмотрели на Айраса. Она инстинктивно прижала ладонь к груди, прикрывая бирюзовый кулон.

— Айрас, это Максим. Из Москвы. Мы... мы общались до моего переезда.

При слове «Москва» на губах Айраса появилась едва за-

метная, жесткая усмешка. Он перевел взгляд обратно на Максима. Максим, надо отдать ему должное, не стушевался. Он расправил плечи, сделал шаг навстречу и протянул руку с дорогими часами на запястье.

— Максим, — твердо представился он, глядя Айрасу прямо в глаза. — Я приехал за Ликой. Нам нужно поговорить без посторонних. У неё там, в городе, осталась нормальная жизнь и перспективы, которые она бросила из-за затянувшегося отпуска.

Айрас проигнорировал протянутую ладонь. Максим медленно опустил руку, и его челюсть упрямо сжалась. Воздух в мандариновом саду бабы Тони мгновенно стал густым и наэлектризованным, словно в секунду до удара молнии.

— Перспективы, значит? — тихо, с опасной мягкостью переспросил Айрас. Он сделал полшага вперед, сокращая дистанцию и буквально нависая над Максимом своей мощной фигурой. — Запомни, аналитик. «Там» у неё ничего не осталось, кроме серого смога и удушающей суеты, от которой она здесь два года лечилась. А «здесь» — её дом. Её море. И её мужчина.

— Её дом в мегаполисе, рядом со мной, — Максим вызывающе вздернул подбородок, отказываясь отступать перед этой дикой горной силой. — Курортный роман не длится вечно, парень. Рано или поздно ей надоест кататься на твоём старом УАЗике и мыть рыбу на причале. Ей нужна стабильность, которую ты ей здесь дать не сможешь.

Айрас хмыкнул, и в его глазах вспыхнуло то самое дикое, упрямое пламя, которое Лика видела в шторм на катере. Он подошел вплотную к Максиму, так что их плечи почти соприкоснулись.

— Стабильность в офисе с девяти до шести? — Айрас выделил каждое слово, и его низкий голос заставил Максима внутренне напрячься. — Мой дед говорил: если ты не видишь из окна горы, ты живешь в тюрьме. Лика из своей тюрьмы сбежала. И обратно я её не отпущу. Ты приехал гостем — сиди за столом, пей компот бабы Тони. Но если ты еще раз протянешь к ней руки или заговоришь о своем чужом городе... я лично выведу тебя в Юпшарский каньон. И поверь, дорогу обратно твои белые кеды не найдут.

Лика замерла, переводя дыхание, её **длинные рыжие волосы** всколыхнулись от ворвавшегося во двор резкого порыва ветра. В этот момент из летней кухни с грохотом вынесла новое глиняное блюдо баба Тоня, прерывая эту дуэль взглядов, но оба мужчины знали: этот шторм только начинается

Глава 2: Застолье на пороге шторма.

Тяжелое глиняное блюдо с грохотом опустилось на центр длинного деревянного стола, мгновенно оборвав звенящую мужскую дуэль. От горячей, только что снятой с угляй мандариновой рыбы и запеченных овощей поднялся густой, пря-

ный пар, на секунду скрыв мужчин друг от друга.

Баба Тоня уперла руки в бока и строго окинула взглядом замершую троицу. Её серебряные сережки гневно качнулись.

— Так, петухи столичные и горные! — зычно скомандовала бабушка, и спорить с этим голосом не решился бы даже самый буйный капитан на побережье [1.1]. — А ну-ка быстро оба за стол сели! Хватит мне тут гальку топтать да глазами сверкать. Разговоры они тут разговаривают на пустой желудок. Лика, деточка, принеси лепешки из печи. А вы — сели, я кому сказала!

Айрас первым нехотя отступил на шаг. Он резко крутанул в руках очки-авиаторы, засунул их в карман шорт и опустил-ся на деревянную лавку по левую сторону стола. Его **темные короткие кудряшки**упрямо топорщились во все стороны, а широкие смуглые плечи всё еще были напряжены.

Максим, сглотнув застрявший в горле ком, аккуратно поправил свои дорогие часы и сел прямо напротив него. Его белоснежная футболка и выглаженный городской вид по-прежнему казались инородным телом среди раскидистых ветвей хурмы и пальм, но отступать под прицелом карих глаз Айраса он не собирался.

Сцена за столом

Лика вернулась из кухни, неся на деревянной доске пышущий жаром домашний лаваш. Её **большие зеленые глаза** тревожно метались между двумя мужчинами, а пальцы то и

дело касались бирюзового кулона, словно ища в нем защиту. Она попыталась сесть рядом с Айрасом, но баба Тоня решительно перехватила её за локоть и усадила во главе стола — ровно между Максимом и Айрасом.

— Ешьте давай, — скомандовала баба Тоня, пододвигая к Максиму тарелку с домашним сулугуни, который буквально слезился свежим молоком. — В Апсны голодными не спорят. Максим, бери рыбу, руками бери, не стесняйся, у нас тут вилок из серебра не водится. Айрас, лаваш ломай, чего замер как каменный уступ?

На деревянном столе развернулось самое напряженное застолье в истории этого двора. Мужчины сидели ровно друг напротив друга, разделенные лишь блюдом с дымящейся рыбой и кувшином ледяного компота из фейхоа.

Каждые несколько секунд они обменивались тяжелыми, пронизывающими взглядами:

Максим демонстративно и аккуратно вел себя за столом, стараясь показать безупречные городские манеры, и то и дело переводил взгляд на Лику, словно без слов напоминал ей о тех самых Патриарших, ресторанах и их прошлой «правильной» жизни.

Айрас ел неторопливо, с чисто мужской, хищной грацией сына побережья. На его смуглых руках поблескивали крупинцы высохшей морской соли. Он демонстративно, никуда не спеша, отламывал куски лепешки, и в каждом его движении читалась абсолютная, законная власть над этой землей и над

сердцем рыжей девушки, сидящей рядом.

Ли́ка сидела между ними как между двух огней. **Длинные рыжие волосы** шелковым каскадом падали на её плечи, а в горле застрял ком — она не могла проглотить ни кусочка. Ей казалось, что воздух вокруг стола дрожит от зноя и наэлектризованной тишины.

— Ну что, Максим из Москвы, — баба Тоня нарушила молчание, хитро прищурившись и подливая гостю компот. — Как тебе наша барабулька? Небось в твоих ресторанах консалтинговых такой не подают?

— Очень вкусно, спасибо, — Максим вежливо улыбнулся, хотя взгляд его оставался холодным. Он посмотрел прямо на Айраса. — Но еда — это не единственное, что нужно человеку для жизни. Ли́ка привыкла к выставкам, театрам, к культурной среде. Я думаю, за два года она сыта этим колоритом по горло. Ей пора двигаться дальше.

Айрас медленно положил ладонь на стол. Его пальцы слегка сжались, и Ли́ка замерла, боясь, что он сейчас просто разнесет это деревянное сооружение. Но Айрас лишь лениво улыбнулся своей колючей улыбкой, от которой у Ли́ки всегда бежали мурашки.

— Культурная среда, говоришь? — тихо переспросил он, и его низкий голос заставил Максима выпрямить спину. — У нас тут своя культура, аналитик. Завтра утром я выхожу в море на катере. И Питер твой, и Москву катать буду. Если у твоего консалтинга хватит смелости — приходи в девять

утра на причал. Посмотрим, как твои дорогие часы справятся с нашей культурной средой в открытом море.

Максим на секунду замешкался, глядя на бушующее пламя в глазах Айраса, но затем твердо кивнул:

— Я приду. И поверь, море меня не пугает.

Лица испуганно выдохнула, понимая, что этот обед поверх плесени старых обид не принес мира. Завтра на причале их ждала настоящая битва двух совершенно разных миров.

Глава 3: Шторм внутри нас.

Ночь опустилась на Приморск душным, тяжелым покрывалом. На веранде давно погасли желтые лампочки гирлянды, и только огромные южные звезды тускло освещали мандариновый сад, заросший виноградом. Поселок спал, утопая в ленивом, глухом вздохе прибоя.

Лица тихо, стараясь не скрипеть деревянными половицами второго этажа, спустилась по винтовой лестнице во двор. На ней были наброшены легкая кофта и джинсовые шорты. Её **длинные рыжие волосы** пушистым облаком лежали на плечах, а **большие зеленые глаза** тревожно всматривались в полумрак сада. Возле кованой калитки, опершись спиной о металлические перекладины, темным силуэтом неподвижно замер Айрас. Она знала, что он не уедет домой, пока они не побудут наедине.

Сцена ночного разговора

Лика бесшумно подошла со спины. Заслышав её легкие шаги, Айрас не обернулся, но его плечи заметно расслабились. В ночной темноте его **темные короткие кудряшки** казались совсем черными, а от смуглого тела всё еще исходил сильный жар, смешанный с горьковатым запахом табака и морской соли.

— Не спится, городская? — тихо, почти шепотом спросил он. Его низкий голос прозвучал удивительно мягко, совсем не так, как за дневным столом.

— Айрас... — Лика подошла вплотную и робко положила ладонь ему на лопатку. — Посмотри на меня, пожалуйста.

Он медленно повернулся. В тусклом свете луны его четкие скулы выглядели заостренными, а карие глаза казались абсолютно черными и глубокими. На его лице не было улыбки. Лика протянула вторую руку, аккуратно взяв его за пальцы. Его ладонь, как всегда, была горячей, сухой и надежной.

— Я видела, как ты смотрел на него за обедом, — её голос слегка дрожал, а пальцы свободной руки инстинктивно сжали бирюзовый кулон на шее. — И этот твой вызов на причал... Айрас, я умоляю тебя, не трогай Максима. Не нужно устраивать ему никаких проверок в море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.